

УДК 323.232

ИДЕОЛОГИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА: МЕЖДУ МИФОМ И ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИМИ РЕЦЕПТАМИ

Кутуев П.В.

Доктор социологических наук,

профессор кафедры политологии, социологии и социальной работы НТУУ «КПИ»

В статье рассматривается возрастание популярности идеологии либерализма в отечественном публичном дискурсе. Идентифицируются трансформации либерального дискурса и опасность его некритической гегемонии. Статья определяет причины восхваления предписаний либерализма в его сочетании с политическими практиками стран Восточной Азии. Статья предлагает альтернативу либеральной парадигме в виде возвращения государства как катализатора развития.

The article traces the rise of liberal ideology popularity in Ukrainian public discourse. Transformations of liberal discourse as well as the danger of its uncritical hegemony are identified. The article determines the causes of glorification of liberal prescriptions in their combination with the policy practices of East-Asian nations. The article suggests the idea of bringing the developmental state back as the alternative to liberal paradigm.

У статті розглядається зростання популярності ідеології лібералізму у вітчизняному публічному дискурсі. Ідентифікуються трансформації ліберального дискурсу та небезпека його некритичної гегемонії. Стаття визначає чинники глорифікації приписів лібералізму в його поєднанні зі політичними практиками країн Східної Азії. Стаття пропонує альтернативу ліберальній парадигмі у вигляді повернення держави як каталізатора розвитку.

Ключові слова: лібералізм; ідеологія; ліберальна ідеологія; держава, що сприяє розвитку; Східна Азія

В сознании отечественных лидеров общественного мнения произошла очередная смена доминантного стиля мышления (или, говоря академическим жаргоном, — парадигмы): теперь на место одержимости Западом (как позитивной, так и негативной) приходит умиленное восхищение Востоком. Азия (в особенности Восточная Азия) рисуется сусальным золотом, и теперь этот регион предстает кладезем мудрости, позаимствовав которую мы достигнем благой жизни. На смену годам нашего ученичества под внимательным надзором западных — преимущественно англоязычных — экономистов и политиков пришли заботливые восточные патриархи-мудрецы.

Но лишь на первый взгляд авторы всех этих путевых очерков предлагают изменить привычный стиль мышления о движущей силе социально-экономических и политических перемен тех или иных обществ и секретах их успехов. На самом деле в новые бурдюки вливается все то же старое вино, причем в данном случае возраст напитка — не столько показатель ценности, сколько индикатор его подпорченности. Путешествие на Восток оборачивается топтанием на месте, а покровом экзотики маскируется идейный секундхенд.

Начало этому «исходу» на Восток было положено почти четыре года назад материалом главного редактора газеты «День» Ларисы Ившиной «Ідентичність і модернізація» [1]. Авторы одной из наиболее свежих публикаций по этой теме — Анна Кокоба, Александр Пасховер и Виталий Сыч «Урок экономики...» [2].

Но если путевые заметки Ившиной импрессионистичны и не могут претендовать на существенный уровень обобщения (не считать же таковым восторги туристки по поводу беспрестанных поклонов, что в обычае у японцев), то путешественники от «Корреспондента» пытаются сформулировать предписания для нашего политического истеблишмента. Симптоматично, что на обложке журнала, под заголовком «Либерализм как оружие» (белыми буквами на красном фоне — наверняка подобная цветовая гамма должна вызывать у читателя ассоциации со строками из пушкинского «Пророка» о глаголе, призванном «жечь сердца людей»), красуется формулировка основной темы выпуска: «Урок экономики от Гонконга и Сингапура Николаю Яновичу и его команде».

Украинскому истеблишменту, бесспорно, нужно учиться — причем я имею в виду не столько усвоение навыков управления, сколько приобщение к некой системе ценностей, мотивирующей правителей воплощать варианты политики, которые эффективно служили бы общему благу. Так что обращение отечественных масс-медиа к теме экономической философии и смещение нашего внимания с Запада на Восток в поисках удачных формул организации общества заслуживают одобрения. Поскольку же компетентность и моральность представителей украинских правящих слоев обратно пропорциональна их самоуверенности, последуем рецепту «Корреспондента» и, облачив представителей сильных мира сего в короткие штанишки (такую форму и сейчас носят ученики младших классов в Японии), отправимся набираться знаний и опыта.

Сразу же оговорюсь: мое эссе — не о Гонконге и Сингапуре как таковых. Оно скорее о применимости идей и практик либерализма на отечественной почве, а также о том, как идеологические воззрения могут деформировать восприятие реальности.

Проблема отечественного идеологического поля заключается в его дефрагментированности и упрощенности. Сторонники тех или иных идей воспринимают последние в квазирелигиозном духе — как полное и абсолютно истинное объяснение реальности. На самом же деле любая идеология частична и наряду с выполнением функций придания смысла окружающему миру, мобилизации своих сторонников и предоставления им ясной программы действий также неизбежно упрощает и искажает реальность. Поэтому важно выйти за рамки стереотипов, в равной мере присущих политическим мировоззрениям как правого, так и левого толка. Первые верят в магию саморегулирующегося рынка, а вторые всюду усматривают корыстную руку буржуина-капиталиста.

Свою философию успешного построения свободного и процветающего общества авторы «Корреспондента» не маскируют: на их знамени (как уже отмечалось выше) мерцает волшебное слово «либерализм».

Я не имею ничего против акцента либерализма на свободе, индивидуальной ответственности и верховенстве права. Вопрос лишь в универсальной применимости и достижимости таких его принципов, как руководящая роль рынка, минималистское государство и индивидуализм, в конкретных исторических и географических условиях.

Не стоит также забывать, что любая идеология общественного развития в реальности делится на «идеологию для себя» и «идеологию для других». Например, для себя (богатого, развитого, капиталистического Севера) — субсидии фермерам; для других (бедного, слаборазвитого, периферийно-капиталистического Юга) — требование предоставить решать все проблемы рыночным механизмам. Говорю это не с целью заклеить либерализм и обвинить его пропагандистов в лицемерии; хочу лишь напомнить, что связь политики и экономики — не плод делирия марксистов, а суровый факт жизни современного социума в любой стране. Посему тот же рынок — не идеально ровное поле, где играют в соответствии с жесткими правилами, а сильно пересеченная местность, на которой идет борьба в стиле «миксфайт» за командные высоты. Задача же государства — выравнять это поле и умиротворять наиболее зарвавшихся бойцов-игроков.

Еще французский мыслитель XVIII в. барон де Монтескье полагал, что размер государства определяет форму правления: маленьким политическим образованиям соответствует республика, средним — монархия, большим — деспотия. Точно так же и экономическая политика не может быть универсальной, а должна подбираться исходя из возможностей конкретной страны и ее места в мировой системе капиталистического хозяйствования (недаром народная мудрость гласит: что русскому здорово, то немцу смерть).

Не стоит также забывать, что государство-гегемон задает правила поведения для государств, но само их нарушает: американский политолог Карл Дойч утверждал в середине XX ст., что власть дает обладающим ею возможность позволить себе не учиться.

Либерализм подходит — и то лишь избирательно — государствам мира первого, т. е. развитого, богатого и сильного в военном отношении. Почему избирательно? Потому что современное западное неолиберальное государство не стесняется активно вмешиваться в дела экономики, спасая банки, пострадавшие в результате своей безответственной деятельности. Точно так же и борьба с бедностью в современном неолиберальном государстве, по мнению такого исследователя, как Лойк Вакан, ведется с помощью репрессивных методов. Показательно, что США — бесспорно страна победившего (нео)либерализма — занимает первое место в мире по числу заключенных, перегнав по абсолютным показателям даже Китай.

Когда же власти строго придерживаются принципов либерализма, то результаты бывают неоднозначны. Американский автопром, например, не выдержал конкуренции с японскими и южнокорейскими автомобилестроителями — тут сыграло определенную роль и скрытое субсидирование правительствами этих восточноазиатских стран своих производителей, тогда как американские промышленники данного преимущества были лишены.

Впрочем, вернемся снова на Восток — точнее, в города-государства Сингапур и Гонконг.

Начну с рассмотрения предлагаемой авторами «Урока экономики...» версии истории Гонконга. Иначе как умышленным искажением реалий вкуче с вопиющей некомпетентностью ее не назовешь.

Повествование поклонники гонконгско-сингапурского либерализма начинают с 1839 г., когда неназванный ими «император Цин» запретил европейским торговцам импортировать опиум в Китай. Похоже, корреспонденты принимают название династии Цин (правила Китаем в 1644—1912 гг.) за имя конкретного монарха; на самом же деле императором тогда был Айсиньгёро Мянньин (правил в 1820—1850 гг.). Представим, что бы мы подумали о знаниях журналиста, упоминающего некоего «царя Романова», не потрудившись при этом уточнить, кто именно имеется в виду — то ли Алексей Михайлович Тишайший, то ли Александр III...

Дальше — больше. Оказывается, запрет на торговлю наркотическими веществами на территории суверенного государства может истощить терпение правительства заморской державы! Если следовать подобной логике, то Мексика с Колумбией должны начать войну со США, поскольку чашу их терпения переполнили попытки Вашингтона препятствовать деятельности наркокартелей собственной территории. Звучит абсурдно, но именно такова позиция авторов: они считают Китай виновником Опиумной войны, поскольку чиновники Поднебесной осмелились запретить импорт опиума из Британской Индии.

Эта мера действительно нанесла тяжелый удар по британской торговле: именно продажа опиума позволила британцам изменить негативное торговое сальдо с Китаем на позитивное. Но если придерживаться принципов либерализма, так яро отстаиваемых авторами, то отсутствие конкурентоспособных товаров у продавца — его собственная проблема. Лучший выход в подобной ситуации — послушно внимать знакам «невидимой руки рынка» и либо изыскать возможность предлагать товары, пользующиеся спросом, либо разориться. Однако ни британских торговцев, ни британское правительство не вдохновляла перспектива честной конкуренции их товаров на китайском внутреннем рынке. Предпочтение отдали развязыванию войны против Китая, которая вошла в историю под названием Первой опиумной. Цель при этом была проста: сохранить возможность беспрепятственно экспортировать наркотики в Поднебесную. И, судя по риторике авторов статьи, они такую агрессивность Британии XIX в. оправдывают.

В результате победоносной для Соединенного Королевства войны Гонконг стал его владением; авторы на своем новоязе определяют эту смену юрисдикции выражением «перебрался под британскую корону». Если уж внедрять подобную «терминологию», то почему не говорить, к примеру, что Судетские территории Чехословакии «перебрались» под эгиду гитлеровской Германии, а позднее часть Восточной Пруссии «перебралась» под крыло СССР. Сознательно или нет, но в «Уроке экономики» этот прием направлен на то, чтобы замаскировать — более того, оправдать! — факт насильственного отторжения части территории Китая и превращение ее в колонию Великобритании.

Журналисты «Корреспондента» почему-то убеждены, что последующую сотню лет британский Гонконг был оазисом свободы предпринимательства, и на этом основании противопоставляют его деспотическому Китаю. В реальности британские власти Гонконга мало церемонились с местным населением, не останавливаясь даже перед законодательной сегрегацией китайцев от приезжих колонизаторов. Интересующиеся деталями могут ознакомиться с одним из подобных актов Правительства Гонконга, который оставался в силе до 1930 г.! (см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Peak_Reservation_Ordinance)

Как видим, «Корреспондент» ничтоже сумняшея воспроизводит стереотип о «восточном деспотизме», научно оформленный еще в 30-х годах прошлого века немецким ученым (вначале коммунистом, а позднее антикоммунистом) Карлом Витфогелем. К тому же авторы понимают либерализм исключительно как философию экономики, все остальные сферы для них менее приоритетны. Нужно обладать разнузданным воображением, чтобы Сингапур с его телесными наказаниями за хулиганство и выборочной проверкой граждан на присутствие наркотиков в крови после возвращения из-за рубежа (позитивный результат анализа — повод для уголовного преследования) отнести к либеральным обществам.

На этом фантазмагорическая история Китая по версии «Корреспондента» не завершается. Оказывается, Дэн Сяопин в 70-х был представителем некоей оппозиции, которая заставила коммунистическую власть начать экономическую либерализацию. Хотя на самом деле он — после опалы в последние годы жизни Мао — в 1977 г. занял пост вице-премьера госсовета КНР (что-то наподобие нашей должности вице-премьер-министра). Общеизвестно также, что реформы в Китае были инициированы компартией и проходят под ее жестким контролем.

Размах, темп, глубина и сложность перемен, переживаемых Китаем, таковы, что сейчас и не скажешь, какова стратегическая цель реформ — то ли «диккенсовский капитализм» (по выражению британского журнала *The Economist*), то ли рыночный социализм. Очевидно одно: успех реформ в Поднебесной укоренен в многовековой традиции здешнего предпринимательства. Китайская деловая диаспора распространилась по всей Восточной и Юго-Восточной Азии, а китайские предприниматели успешно конкурировали с иностранным капиталом даже в условиях упадка китайского государства.

Успешное капиталистическое строительство — не в меньшей мере, чем строительство социалистическое — требует наличия дееспособного и здравомыслящего государства. В свое время эту истину блестяще продемонстрировали большевики. Как пронизательно заметил американский социолог родом из Краснодара Георгий Дерлугьян, ленинское видение нового общественного строя вдохновлялось не только немецкими мыслителями-марксистами, но и немецкими практиками организации промышленности в условиях Первой мировой войны. Немцы активно применяли государственное планирование для повышения отдачи военной промышленности. Так что СССР во многом был реализацией на практике идей немецких деятелей

— промышленника Вальтера Ратенау, военных стратегов Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа.

Впрочем, в годы Первой мировой даже либеральная Британия, не говоря уже об этатистской Франции, была вынуждена обратиться к практикам государственного планирования и вмешательства в экономику. Согласно более чем авторитетному мнению выдающегося американского историка Уильяма Мак-Нила, Луи Рено построил свою промышленную империю именно в годы Первой мировой, чему способствовало, как ни парадоксально, назначение социалиста Альбера Тома на пост министра вооружений [3, 370- 371].

В годы войны британцы, каким бы невероятным это ни показалось, даже создали предтечу советских государственных машинно-тракторных станций (МТС), что позволило им в 1918-м достичь 40%-ного роста урожая пшеницы и картофеля по сравнению с предвоенным уровнем [3, 397]. Впрочем, эффективность государственного регулирования не стоит переоценивать: как и в случае с любым лекарственным средством, передозировка может быть опасна. Феноменальный рост советской военной промышленности в годы Второй мировой войны во многом был следствием децентрализации системы управления и использования рыночных стимулов [4].

Сегодня проницательные наблюдатели приходят к выводу, что нынешние успехи китайцев в деле построения капитализма — по сравнению с Индией — во многом обусловлены тем, что в прошлом они были лучшими социалистами, чем индийцы.

Мы должны осознать, что история развития полна парадоксов. Японская оккупация Кореи и Тайваня тоже заложила фундамент индустриализации и последующей модернизации этих стран; но вот странность — корейцы к своим бывшим оккупантам чувства благодарности не испытывают. Правда же состоит в том, что эти колонизаторы развивали те отрасли промышленности, которые были важны для их вооруженных сил, а местное население получало образование в объеме, необходимом для выполнения узкого набора производственных функций, и все это осуществлялось под жестким надзором колонизаторов.

Американские обществоведы Талкотт Парсонс и Сэмюэл Хантингтон совершенно справедливо утверждали, что власть — подобно капиталу — накапливается. Южная Корея, например, достигла успехов в экономическом развитии благодаря не либерализму, а сочетанию капитализма и дисциплинирующего государства; причем последнее долгое время было военной диктатурой, которая основывалась на партии, смоделированной с организации коммунистических партий. Согласно логике накопления политической власти, секрет успеха Гонконга и Сингапура — в построении государства, способствующего развитию. Не разрушая рынка, оно в то же время способно дисциплинировать капиталистический класс и создавать условия для долгосрочного экономического роста с быстрыми темпами, а не только для максимизации прибыли.

Мы бы с удивлением восприняли мысль о том, что очки, предназначенные для коррекции определенной степени близорукости, подойдут при любых расстройствах зрения. Но именно такой вывод делают апологеты либерализма. Излишне говорить, что неправильно подобранные очки не улучшают, а ухудшают зрение.

Приведу яркий пример такого искажения реалий идеологическими очками из несколько неожиданной области. Григорий Чхартишвили — интеллеktуал-японист, более известный широким кругам читателей как писатель Борис Акунин, — в своем блоге восторженно отозвался о Чарльзе Уоррене, начальнике лондонской полиции времен Джека Потрошителя. Чем же главный лондонский правоохранитель так пришелся по душе нашему современнику-писателю? Оказывается, он с гневом отверг предложение внедрять в преступную среду агентов полиции.

Чхартишвили-Акунин — ярый либерал; поэтому в его глазах подобная демонстрация приверженности философии невмешательства (*laissez-faire*, как называют подобную установку теоретики политической философии) служит индульгенцией от всех недостатков и, более того, свидетельствует о высокой моральности индивида.

Казалось бы, в лице Уоррена нам и вправду представлен полный антипод Глеба Жеглова с его «вор должен сидеть в тюрьме» (в данном случае это лишь иная формулировка принципа «цель оправдывает средства»). В реальности же благородный британский правоохранитель своими не очень профессиональными действиями завел следствие по делу Джека Потрошителя в тупик. Вершиной блистательной карьеры героя Акунина стало командование дивизией британской армии в англо-бурской войне — свое подразделение он бездарно привел к поражению в схватке с уступающим ему в живой силе и вооружении бурским ополчением. Как видим, «срастание» с одним-единственным вариантом идеологических очков затуманивает взор даже самым проницательным индивидам.

К какому же общему знаменателю можно свести эти разрозненные примеры из жизни идеологии либерализма? Увы, не существует универсальной формулы успеха. Все эти разнообразные рецепты состоят из множества исторически, географически, политэкономически и культурно специфических ингредиентов. А посему лозунг «либерализм как оружие» так же истинен и действен, как и многие другие призывы; дело лишь в соотношении объективных условий и субъективного чувства меры.

Література

1. Івшина Л. Ідентичність і модернізація / Івшина Л. // День. – 2007. – 22—23 листопада 2007.
2. Кокоба А., Пасховер А., Сыч В. Урок економіки... / Кокоба А., Пасховер А., Сыч В. // Кореспондент. – 2011. – 18—24 марта.
3. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX вв. / Мак-Нил У. – М.: Территория будущего, 2008.
4. Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison / Ed. by I. Kershaw, M. Lewin. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.